

Манон, танцовщица. Авиатор

Предисловие

«Манон, танцовщица» — первое произведение Антуана де Сент-Экзюпери, принятое к печати, но до сегодняшнего дня так и не опубликованное. Несколько строк из него появилось в первом томе «Полного собрания сочинений» в «Библиотеке Пляеды», воспроизводя машинописный текст, который присутствовал в качестве экспоната на выставке 1984 года, посвященной Национальному архиву (машинопись была подарена автором Луизе де Вильморен). Другой вариант авторского машинописного текста, выставленный тридцатью годами раньше на выставке в Национальной библиотеке, взятый из семейного архива Фонсколомбов, в этом издании учтен не был. Между тем многочисленные биографы Сент-Экзюпери упоминали эту новеллу, и в первую очередь ее упоминала Нелли де Вогюэ, которая сообщила, что новелла была написана в 1925 году.

Сообщение ближайшей подруги де Сент-Экзюпери подтверждается многочисленными свидетельствами самого автора, рассыпанными в его

письмах. Однако бдительность и осторожность не помешают исследователю: творческая активность молодого офицера воздушного флота, ушедшего в запас (Сент-Экзюпери был ровесником века), удвоилась после того, как он освободился от военных обязанностей и без особого энтузиазма начал иную профессиональную деятельность. В это время он был помолвлен с Луизой де Вильморен (позже помолвка будет разорвана), и семья невесты настоятельно потребовала от жениха, чтобы он отказался от карьеры военного летчика. И вот в ожидании свадьбы Сент-Экзюпери, погруженный в мечты, но при этом несколько печальный и подавленный, колесит по дорогам центральной Франции, став коммивояжером компании «Сорер», производящей грузовики. Не чувствуя призвания к купле-продаже, молодой человек не слишком ревностно занимается предложением своего товара, зато использует долгие часы одиночества в провинциальном захолустье для того, чтобы утвердиться в своем призвании писателя, раз ему отказано в осуществлении призвания летчика (речь идет о годах, которые предшествовали поступлению де Сент-Экзюпери в компанию Аэропосталь). Молодой человек постоянно с пером в руках. Как видно по его переписке, он пишет «рассказ» за «рассказом», «новеллу» за «новеллой» и даже начинает набрасывать «роман». Нам неизвестно, что это за произведения, были они закончены или нет, но в письмах к друзьям,

подругам и родственникам он постоянно упоминает о них и пишет о каждом, что оно продвигается вперед. Так, в письме к Рене де Соссин (Гере, 1925) он с большим нетерпением требует, чтобы она высказала свое мнение об «этом рассказе», которым он так гордится (вполне возможно, о «Манон») и подводит итог: «Он (рассказ) должен тебе понравиться, если нет, то я никогда не буду больше писать».

Переписка тех времен свидетельствует как об активной и успешной литературной деятельности, так и об осмыслении творческого процесса и писательского ремесла. «Я заметил, — пишет он в 1924 году матери, своей внимательнейшей читательнице, — что люди, когда говорят или пишут, забывают о необходимости вдумываться в смысл, они довольствуются готовыми конструкциями, пользуются словами, как счетной машинкой, считая, что слова выдадут истину без их участия. Согласись, это глупо. Не нужно учиться подхватывать витающее в воздухе, наоборот, нужно учиться обходиться без него. [...] Мои требования к себе становятся все четче, и на их основе я хочу построить свою книгу. О внутренней драме человека, который преуспел. Разоблачение в самом начале должно быть без всяких прикрас. Сначала придется раздеть ученика героя, чтобы сам он убедился в собственном ничтожестве». И немного позже опять о писательстве: «Неужели вы хотите, чтобы я писал, что принял ванну... пообедал

у Жаков. Поверьте, такого рода откровения мне неинтересны».

Среди своих сочинений он упоминает и «Манон». В 1927 году Сент-Экзюпери пишет кузине своей матери Ивонне де Лестранж, герцогине де Тревиз, — она жила в Париже на набережной Малаке, была очень близка с юным «Тонио» и всячески поддерживала его литературные начинания, вводя в литературную среду, познакомив с Андре Жидом и другими писателями, которые бывали у нее в салоне, — что их общий друг Жан Прево пообещал в 1926 году опубликовать «Манон» в журнале «Ероп» («Европа») и даже включил имя автора в анонс. (Журнал «Ероп» был основан в 1923 году, и его идейным вдохновителем был Ромен Роллан). Действительно, в летнем номере «Ероп» за 1926 год в списке авторов, чьи произведения журнал собирался предложить своим читателям в дальнейшем, можно прочесть имя де Сент-Экзюпери, хотя название «Манон» там не фигурирует. Но поскольку сам автор называет именно это произведение, значит, к этому времени новелла была написана, закончена и отдана в журнал.

Охотно верится, что Жан Прево хотел и предпринимал какие-то усилия, чтобы журнал «Ероп» опубликовал «Манон». Потому что именно ему принадлежит заслуга первой публикации начинающего автора, который вскоре станет лауреатом премии Фемина. Жан Прево, писатель и кри-

тик, был главным редактором журнала «Навир д'аржан» («Серебряный корабль»), издаваемого Адриенной Монье. Он подпал под обаяние личности и таланта молодого человека, с которым познакомился в салоне герцогини де Тревиз. Поверив в дар порой неуклюжего, но всегда обворожительного и блестящего великана, он опубликовал в последнем номере своего журнала «Навир д'аржан» (апрель, 1926) его первое литературное произведение. Им стал рассказ «Авиатор»: история Жака Берниса, сначала гражданского пилота, потом инструктора в военной авиации, того самого Берниса, которого мы встретим потом в романе «Южный почтовый», где он будет главным героем. Да и «Авиатор», собственно говоря, был не рассказом, а фрагментом более обширного произведения, с названием «Бегство Жака Берниса», которое до нас не дошло. Жан Прево, предваривший публикацию небольшой врезкой, сообщил, что путь создания этого рассказа был не прост: «Сент-Экзюпери профессиональный летчик и механик-конструктор. Я познакомился с ним в доме своих друзей, и меня восхитила та яркость и утонченность, с какой он передавал свои впечатления от полетов. Потом я узнал, что он их записал. Разумеется, я сразу же захотел прочитать его записи, но автор потерял их и вынужден был восстанавливать утраченное по памяти. (Он сочиняет сначала мысленно, потом записывает сочиненное на бумагу.) Записи оказались большой новеллой,

фрагмент которой мы здесь публикуем. Подлинность и правдивость — вот достоинства, которыми поразил меня начинающий писатель. Я уверен, что Сент-Экзюпери напишет еще не один рассказ. Ж.Прево».

Тогда же Жан Прево прочитал «Манон, танцовщицу». И не он один. У Сент-Экзюпери к этому времени были прочные литературные отношения с редакцией «НРФ» («Нувель ревью франсез», «Новый французский журнал»), во главе которого стоял тогда Жак Ривьер. Впервые он пришел в эту редакцию с рассказом под названием «Полет» в 1923 году и, судя по письмам, которые писал матери, всерьез надеялся, что какие-то из его рассказов, которые он продолжал писать, будут напечатаны. («Я написал в последнее время несколько вещей, и они очень даже неплохи».)

Рассказы начинающего автора, судя по всему, нравились и Гастону Галлимару, директору издательства, существовавшего при «НРФ» и носящего то же название. Очевидно, он читал какой-то вариант «Манон», очень поддержал и ободрил автора, и тот дописал рассказ до конца. В 1925 году Галлимар предложил Сент-Экзюпери написать еще два рассказа, чтобы издать его книжку, куда должны были войти «Манон, танцовщица» и «Авиатор». Сент-Экзюпери пришел в восторг от такого предложения и, торжествуя, писал своему приятелю Жану Эско: «Забыл тебе сказать, что Галлимар попросил меня написать еще две но-

веллы и тогда он издаст книгу, куда войдут все четыре».

Однако книга эта не вышла, и обещания остались обещаниями. Сент-Экзюпери поступил на работу в компанию Аэропосталь, летал на африканских линиях, но о перипетиях, связанных с публикацией своей новеллы, не забыл. В начале 1927 года он пишет Ивонне де Лестранж: «У меня нет больше никакого желания писать. Прево так и не опубликовал «Манон», которую журнал «Ероп» анонсировал год назад. Меня подобное отношение обидело. Я не стремлюсь ни к каким публикациям, на ней настаивал Прево и забрал у меня «Манон». Не стоило мне так суетиться». Ивонна спрашивает совета у друзей-литераторов и передает (снова?) рукопись начинающего писателя Андре Жиду. 24 июня 1928 года Сент-Экзюпери пишет кузине из Касабланки: «Сообщи, что думает Андре Жид по поводу «Манон». В «Ревю эбдомадер» («Еженедельный журнал») не сказали почти что ничего. Вполне возможно, из стыдливости».

Каковы были результаты знакомства с новеллой Жиды, неизвестно. Однако в ближайшем времени Сент-Экзюпери вновь берется за перо. 19 октября 1927 года его назначили начальником аэродрома в местечке Кап-Джуби в Сахаре, и там он принимается за свой первый роман, продолжая повествование о пилоте Жаке Бернисе, герое первого опубликованного рассказа. В конце 1928 го-

да он кончит свой роман и назовет его «Южный почтовый». Ивонне де Лестранж он напишет: «Жид должен был счесть «Манон» страшной глупостью. Как же теперь от меня это все далеко! Но в любом случае — *никаких журналов*. Если получится, пусть будет «Произведение» [Имеется в виду серия «Произведение. Портрет», созданная в 1921 году в издательстве «НРФ»; в ней публиковались небольшие произведения начинающих писателей с гравированным портретом автора], или просто в «НРФ», или еще в каком-нибудь издательстве, где печатают небольшие тиражи. В моей книге 170 страниц. Только что закончил». И несколько дней спустя снова Ивонне де Лестранж: «Написал штучку в 170 страниц, довольно дурацкую. Старательность моя достойна похвалы, но вряд ли кто-то ее оценит». Но Жид, да, да, сам Жид, не сочтет «штучку» дурацкой, оценит героический полет и передаст ее в 1929 году Жану Поллану с тем, чтобы эти 170 страниц были опубликованы в «НРФ», после чего Гастон Галлимар подпишет с молодым автором договор еще на шесть книг. «Южный почтовый» появился в июне месяце 1929 года. Речь о том, чтобы опубликовать «Манон», больше никогда не заходила. Но Сент-Экзюпери и в дальнейшем не забывал о неосуществившейся публикации, что свидетельствует о том, что он всерьез дорожил своим небольшим рассказом, о котором потом вспоминали и многие биографы, никогда не считая его незавершенным наброском.

Мы объединили под одной обложкой «Манон, танцовщицу» и «Авиатора» — две новеллы Сент-Экзюпери романтического характера. Безусловно, они совершенно не сходны между собой, ни содержанием, ни стилем повествования. «Авиатор» как бы предвосхищает первый роман Сент-Экзюпери: он сродни ему стиливыми особенностями, описанием полета, ощущением органической связи летчика, самолета и природных явлений и совершенно новым для литературы панорамическим видением окружающего. Безусловно, объединяет эти два произведения и главный герой Бернис. Но у автора «Авиатора» еще нет опыта полетов, который принесла ему компания Аэропосталь, нет того общечеловеческого и духовного масштаба, который обретут последующие книги Антуана де Сент-Экзюпери.

Однако описанный в «Манон» мирок не совсем чужероден для «Авиатора» и «Южного почтового». И в этих своих произведениях Сент-Экзюпери описывает удушающую атмосферу дансингов, жиголо и прожигателей жизни, безжизненные лица женщин, сделавших свое тело инструментом для добывания денег, блуждания по ночному и утреннему Парижу. После неудавшегося «побега» с Женевьевой Бернис забредает в ночное кафе, видит грустное и безнадежное зрелище — молоденьких танцовщиц, завязывает разговор с самой стройной, открывает под раскрашенной маской безразличие и усталость и в кон-

це концов, поддавшись надежде обрести хоть какое-то утешение, соединяет свое одиночество с ее. Хотя «в нем уже угас весь порыв. Он думал: «Ты не дашь того, что мне нужно». Но одиночество его было так нестерпимо, что она все-таки понадобилась ему». Однако плоть, не одухотворенная душой, вызывает чувство безнадежности.

Конечно, есть в «Манон» и биографические отклики, отклики той жизни, которой жил молодой Сент-Экзюпери в Париже, пока Аэропосталь не отправила его на край света. Странствия по ночному Парижу, улочки и кафе, необычные встречи, о которых он упоминает в своих, часто фантастичных, письмах, адресованных приятелям той поры. Бывший жених Луизы де Вильморен, завсегдатай светских салонов со светскими львами с улицы Боссюэ, нередко посещал и совсем другие заведения, где женщины были вполне доступны.

Чувствительный рассказ еще полон юношескими эмоциями, но в нем уже ощущается писательское мастерство — встречаются зримые и выразительные образы, умело отсечены лишние детали, повествование строится как высвечивание фрагментов, есть тенденция к материализации абстрактных понятий. И «Манон», и «Южный почтовый» — это истории о неудавшемся бегстве и о неудовлетворенности жизнью, но в «Манон» собственный голос еще не обретен, его только ищут, нащупывают. Молоденькая танцовщица, которая не может заработать себе на жизнь одни-

ми танцами («вы же понимаете...»), — персонаж более условный и простой, чем Женевьева, но и эта девочка ищет спасения в бегстве, однако оно оказывается иллюзорным. Когда обнаженные нервы автора ощущают жизненную тцету и экзистенциальное одиночество своей юной героини, он преисполняется к ней щемящего сочувствия. В новелле «Манон» Сент-Экзюпери предстает как писатель, озабоченный судьбами «малых сих», он сочувствует участи незащищенной милой девушки, которая в романтическом порыве отчаяния мечтает о совсем иной жизни.

Все творчество Сент-Экзюпери проникнуто неприязнью к тупой, стадной, рутинной жизни, которая предстает как страшная опасность для живого человека. Мирок дансинга неожиданно становится олицетворением именно такой жизни. Вопреки обещанию утра малышка Манон не может возродиться и стать собой в замкнутом миреке, который стал ее жизнью, в миреке, где пьют шампанское и надевают всевозможные личины. Возможность, которую приоткрывает ей встреча с немолодым мужчиной, утомленным своим бессмысленным существованием, по существу эфемерна, так как подает ей надежду на освобождение, которого не может быть. Она обречена оставаться той, какой сделало ее общество: став орудием, которое можно купить, она утратила себя и лишилась возможности действовать самостоятельно, поэтому она надеется, что спасти ее может другой человек,

который взглянет на нее другими глазами и избавит от среды, которая ее убивает. Но надежда на другого напрасна. Попытка обречена на провал. Бегство не придаст ей сил, оно глубоко ее ранит, травмирует душевно и физически, навсегда закрепившись как жизненная неудача.

Взлет вверх обернется падением вниз, любовь Манон не откроет ей новых горизонтов, не выведет за пределы скудного существования. Она ненадолго покинет привычную среду обитания, но не сделает шага вверх изнутри. Манон — призрак, ничто не может вернуть ее к жизни, удержать в ней. Ирреальность собственного существования Манон начинает ощущать, наблюдая за медсестрой, которая ухаживает за ней: каждое движение этой женщины исполнено смысла, все, что она делает, направлено на то, чтобы поддерживать жизнь. И бессмысленность собственной жизни становится явственной для Манон. Между Манон и радиотелеграфистом Прюнета, о котором Сент-Экзюпери рассказал в одном своем выступлении (см. раздел «Вокруг романов «Южный почтовый» и «Ночной полет», стр. 73), есть много общего, они оба задают себе вопрос: «Ради чего?», означающий отсутствие связей с другими людьми, отсутствие дома.

Образ медсестры, без всякого сомнения, напомним читателю о Муази, экономке в замке из детства Сент-Экзюпери, королеве в царстве белоснежных простынь и хрустящих скатертей. На-

помнит о его матери, приносящей с собой благое ощущение покоя, когда детям предстояло погрузиться в ночь. Белые простыни Муази кажутся белыми надутыми парусами, а белизна полотна, которое расшивает Манон, мертвой равниной, где не слышно даже эха: «Нельзя же плакать и плакать — смиряешься. И тратишь силы на труд без мечты, на белое полотно, белое-белое, как стена».

Белое полотно и белая вилла, которую, словно вспышку света, видит перед своей гибелью Бернис в новелле «Авиатор». Смерть летчика перекликается с жизненным фиаско Манон. Для них обоих приготовлена белизна савана. Но придет время, когда белизна не будет больше означать для Сент-Экзюпери траура.

Альбан Серизье

«Манон, танцовщица» воспроизведена с машинописной копии. Пунктуация и орфография в случае необходимости были исправлены.

Бесконечная благодарность тем, чьи благожелательность и доброта позволили опубликовать этот текст.

МАНОН, ТАНЦОВЩИЦА

Сигаретный дым душит, бегодня официантов неотступно стучит в висках — спешат от января к январю. Бармен уставился в одну точку, с трудом ворочает мозгами, а ты танцуй... Хочешь с томным — каждое движение обволакивает женщин, танцует и словно прилипает к сердцу; хочешь с грузным, этот меряет каждую взглядом, как перекущик... И пей шампанское. Без шампанского праздник — не в праздник, как автобус без гирлянд, без флажков... Какая гадость!

Мимо спешит официант в белом пиджаке, полотенце на шее вместо шарфа, концом смахивает крошки со скатерти у нее перед носом и шепчет:

— Вон тот толстяк... спросил, как тебя зовут... банкир.

Подойти или нет? Лучше подкрасить губы. Она часто выходит в комнату для дам, болтает со служительницей. Жалуется: «Надоело до смерти». Становится легче. Там оазис спокойствия, собеседница вяжет себе и вяжет. Как за кулисами, верно? Можно расслабиться. Те, что постарше, за

сценой сразу дурнеют, видна обвисшая грудь, жирные бедра. Ободряют друг друга: «Держись, старушка!»... И снова на публику. Шествуют по залу с надменным видом, скрывая изношенность и усталость.

Вернулась к столику. Саксофонист подмигивает:

— Типчик-то ждет тебя.

Чуть не расплакалась с досады.

Широко распахнулась дверь: на пороге Сюзанна. Сияет. Неудивительно. Она в новом манто.

— Привет, Манон!

— Привет! Гарцуешь, как всегда?

— Скажешь тоже!

Сюзанна окидывает зал хозяйским взглядом. Освоилась. Это поначалу маешься, а потом... Да ладно! Каждый живет как может.

— Присяду?

— Не стоит, Сюзанна. Хочется побыть одной.

— Ждешь кого-то?

— Нет. Хочу посидеть одна.

— Ты в себе?

Что тут скажешь, объяснения не под силу маленькой девочке. Здесь охотно изливают душу, но жалостные признания остаются монологами и растворяются в пустоте.

— Сюзанна...

— Что?

— Не уходи!

Сюзанна мягко опускается на стул и царствен-

но оглядывает окружающих. Она в центре внимания.

— Да забудь ты о мужиках, Сюзанна, давай лучше поговорим.

Сюзанна рассеянно берет ее за руку.

— Сюзанна! Посмотри на меня. Пожалуйста. Скажи, какого мужчину ты хочешь встретить?

— Брюнета.

— Ты меня не поняла. Мне нужно, чтобы он хотел не того, что все вокруг... Они все сначала вежливые, говорят комплименты, а потом... потом молчат, думают только о себе и своей выгоде. И так всегда. А настоящий поведет меня куда-нибудь, будет внимательно слушать и ничего не потребует, понимаешь?

Сюзанна кивает и небрежно поправляет пушистую лису. Она чувствует, что мужчины на нее смотрят, множество мужчин. И улыбается. Заученно. Для них. «До чего фальшивая улыбка, подумать только, ведь и я тоже так улыбаюсь!» Сюзанна не слушает, но соглашается: конечно, конечно. Вот и поговорили по душам.

Манон подпирает кулачками щеки. Манон... Имя манит, как красный шарф. «Скажите, официант, как зовут ту крошку в красном?» Манон. Мужчинам нравится ее имя. «Манон? Как приятно!»

— Я ухожу, Сюзанна.

Сюзанна не трогается с места. Кокетливо поправляет лису. Она занята.

— Счастливо, подруга.

— Пока.

Прыщавый вышибала наклонился к Манон, открывая ей дверь:

— Сегодня ты не того... А бываешь даже очень... — И ущипнул ее за руку.

Она вскипела. Потом успокоилась. Смешно кричать скверному мальчишке: «Да как ты смеешь!» Дурак, корчит из себя важную птицу, раз умеет отличить владельца «испаносюизы» от гостя, приехавшего на такси. Первый для него человек, о прочих он судит по качеству ботинок. И такой вот сопляк посмел ее ущипнуть...

До чего же все опротивело. Будто ходишь в засаленном платье. А ведь есть на свете чистые девушки... Она представила себе такую. Невинная девчушка в простеньком платьице, никто ее не щиплет, вечером ложится в свою постель, спит себе, как кошечка, в тепле и покое, а утром встает выспавшаяся, свежая. Да. Для Манон такая жизнь — небывалая роскошь.

Она вышла на улицу. Ночной холод, будто освежающий душ. Стоит закрыть за собой дверь кабаре, сразу чувствуешь облегчение, хоть и обманчивое, — всем красоткам знакомо это ощущение. Там вино, самодовольные кавалеры с вонючими сигарами, а здесь кроткие глаза звезд, грустишь и думаешь, что стала чище...

Небо светлое. Свет холодный, кристальный. От дуговых ламп он — розоватый, не такой, как на

окраине... там газ... А здесь розовый свет и дамы в мехах.

Она-то сейчас нырнет в узенькую улочку, мощенную выщербленными плитами, по которым так неудобно и больно шагать на высоких каблучках. Они с улочкой — добрые знакомые. Улочка — брод в бурной реке. «Моя улочка». Как же здесь тихо, ни единого фонаря, небо такое высокое... Лунный свет под ногами, будто белый снег. Она думает: «Моя улица, моя келья...»

Кошки крадутся по узкой улице, теплые шерстяные клубки, — их так приятно гладить...

Она тихонько шепчет: «Конечно, что тут поде-лаешь?.. Мужчины знают, какая я... Вот и не стесняются». Тоска и отчаяние возвышают ее в собственных глазах: «Я в их власти... Игрушка». Она сжимает крошечный кулачок и повторяет снова и снова как заклинание: «А он меня будет уважать!»

Мечтая, она медленно поднимается к площади Бланш, уличная толпа течет мимо, не задевая ее.

* * *

Его томила тоска. Глаза отмечали ущерб, неисправности. Он всегда испытующе оглядывал все вокруг, будто усталостью и унынием делились с ним вещи. Вот обернулся назад, словно сейчас поймает грозящую сзади опасность, но нет, вокруг все так же тихо и мирно. Он сидит, погрузив-

шись в глубокое кресло, стоящее перед тяжелым массивным столом, словно крепко укоренен в этом мире, словно удобно устроился в нем. «До чего же тихо», — отметил он вновь про себя. В мыслях безнадежность потерпевшего крушение, а тело покоится в удобном кресле. Он привстал, груз сорока лет показался ему тяжким, оглядел свои руки, что оперлись на стол, — праздные руки и уже покрылись морщинками. Подумал: хорошо бы чем-то заняться, поработать; представил себе: локти крепко упираются в письменный стол, книга раскрыта, мир перестал существовать. Но мечтал он не о работе — о прибежище, которое каждому дает работа.

Пробили часы на стене, шаги вторглись событием, но шаги-то привычные: вошла прислуга. Открыла ставни, задела стул, один раз, второй. Он мучился ожиданием, но ждать было решительно нечего.

Решил пройтись. В самом деле, лето. Асфальт пышет жаром. Спят собаки. Вдоль реки в тяжелой, маслянисто поблескивающей воде чуть покачиваются парусники. Мир вращался по инерции, как заводской станок, когда мастер присел отдохнуть. «Я страдаю, — думал он. — И не чувствую, что страдаю».

— А вы что тут делаете, милая барышня?

Манон, опершись на парапет, наслаждалась утроем, как наслаждалась бы дивным неведомым

садом. Обычно в этот час она спала, видела сны, освободившись от тела. Но сегодня прогуливала неожиданную гостью — бессонницу. Как изумила ее утренняя налаженная жизнь, парусники, их размеренное движение по воде, и этот мужчина, такой серьезный.

Плечи всегда говорят о мужчине правду. Говорят: он устал или, например, тщеславен до крайности. Порой свидетельствуют о непосильной тяжести. Как знакома ей тяжесть мужчины... А плечи этого незнакомца?

Незнакомец смотрит на нее рассеянно, он пытается оживить воспоминания. Что за странный день! Былое нахлынуло и отступило, верные дружбы, страстные влюбленности, могучие усилия показались вдруг чуть заметной рябью и ничего больше не значили. Неужели это и была его жизнь?

Милое забавное существо привлекло его внимание. Рядом с ним ему стало легче, он снова почувствовал себя самим собой. Усталым охотником, что ласково треплет за уши собаку. Приятно ее приласкать.

— Так что вы тут делаете, милая барышня?

Они все начинают разговор одинаково, с пустых глупых фраз, но этот, может, и впрямь обращается к ней: он смотрит ей прямо в лицо, он ее не оглядывает. И потом он неведомой породы — утренней. Должно быть, более благородной.

«Я прогуливаюсь, как он, а он говорит с такой же, как он сам, прохожей, — вот в чем разница...»

— Я? Мечтаю.

— О чем же, милая барышня?

Она внутренне съежилась. Все мужчины заняты одним и тем же. Почему им так хочется в нас проникнуть — и добро бы в сердце! — а насытившись, они не хотят ничего больше знать. Мужчина разомкнул объятия, лежит на спине и молчит, недоступный, как горная вершина.

— О чем же, девочка?

Нет, в самом деле похоже на нежность... А мы на нее так податливы... И признания нас так красят... Жизнь безрадостна и обыденна, но, рассказывая о себе, мы дарим себе прошлое, какого достойны, дарим себе сказку...

* * *

Они вместе завтракали, вместе ужинали. Официант подал кофе, и теперь она смотрела на мужчину. Обычно именно в это время мужчины становятся рассеянными, низко опускают голову. Желание пробуждается в них томлением, безрадостным, будто ярмо. Успокаивает их только уверенность в неизбежности обладания.

— Ну что ж, домой?

Она улыбнулась не без тревоги и не без нежности...

Он отворил дверь и пропустил ее вперед. Она

сделала первый шаг в неведомое: спальня всегда ловушка. Села у изножья кровати. Отворот простыни, будто свежий надрез ослепительной белизны. Мужчина ласково взял ее за плечо.

— Дай мне привыкнуть... — Она немного задышалась.

Он сказал глухо:

— Любовь моя...

Слова ее потрясли. В комнате, полной книг, с тяжелой и такой устойчивой мебелью, что кажется, будто ты в корабельной каюте и они обрели весомость. Портрет... Может быть, жены... Давний? Могло миновать и двадцать лет. Комната приготовлена к долгому странствию. Целый мир. Это тебе не гостиничный номер, в нем не до странствий, в нем и дух перевести не успеваешь, и не холостяцкая квартирка, в них все на ходу, там не хранят воспоминаний. А в этой комнате она показала себе жалкой, потрепанной вещицей... Не надо бы ему так говорить... Любовь моя...

— Я ваша любовь? Хороша любовь! Да вы не знаете, кто я такая...

Глаза спросили: кто?

— Третьеразрядная танцовщица, понимаете? Понятное дело, жить одними танцами невозможно! — Ей стало так неловко.

— Бедняжка! — пробормотал он и рассеянно погладил ее по голове.

Она догадывалась, что он ее не слышит, не заметил ее признания. Еще полчаса назад оно бы

развело их или, наоборот, сблизило, а теперь... Теперь и для него она только вещь, как для всех остальных. Неужели? Она сказала с тоской:

— Я служу мужчинам!

Он обнял ее и стал баюкать. Если бы просто баюкал, долго-долго... Он подарил ей день отдыха, разговаривал с ней по-дружески. А она — вся внимание! — столько узнала нового. Если бы так все осталось! Отважившись, она боязливо проговорила:

— Я мечтаю о друге. У меня был друг. Когда мне становилось грустно, я говорила ему, и он...

Он поцеловал ее.

— Только не в губы!

— Почему, детка?

— В щеку, так ласковее. — Она прижалась головой к его плечу.

А его донимает тоска, мучает, гнетет с утра, как проснулся. Ему необходимо забыться. В объятиях сторает все — укоры, желания... После объятий ничего нет.

Между тем она раздевается, обнажилось плечо, лучик света. Он приник к нему. Тепло. Жизнь. «Маленький прирученный зверек». Он повторяет это навязчиво, упорно.

А ее охватывает безнадежность: мужчины, они не в себе, этот тоже, хотя так мягок, странно бережен, и говорит туманными фразами, обрывая себя на полуслове... Ох уж эти мужчины...

Невозможно понять, на что они смотрят. Чего

хотят. Знают или не знают, что лицо их вдруг искажается болью, радостью, а иной раз ненавистью. Не догадаешься, какая мечта их томит и можно ли им помочь... Они не в себе, мужчины.

Она боязливо повторяет:

— Стоит ли? Останемся лучше друзьями... — Ей так хочется сберечь ненадежный покой. — Вы подарили мне такой необыкновенный день.

Она нежно гладит мужчину по щеке, надеясь своей нежностью возвести между ними преграду. Но он говорит шепотом:

— Дай мне то, чего я так хочу, дай.

Она ломает пальцы:

— Знаете, но ведь это моя профессия. Представьте себе, вы метельщик, метете, метете день за днем, и наконец наступает выходной, вы приходите к другу, вы счастливы, а друг говорит: «Слушай, вот тебе метла, развлекись!»

У нее на глазах слезы. А он совсем тихо, глухим голосом:

— Ты не представляешь себе, как мне плохо, дай мне то, чего я хочу...

Она скрестила на груди руки — маленький зверок, бессмысленная жертва, почти невинная.

— Меня создали утешать мужчин и не позволяют забыть об этом.

Она покорится, апатично, безвольно. Горькая гримаса выдаст страдание. Глаза закроются, откроются, она снова увидит спальню и добротную большую кровать, предназначенную для много-

летних плодовых союзов, для жизненно значимых часов. Такая кровать могла бы ее возвеличить, очистить...

— Я жалкая горсточка грязи, я... я... — Она и не грустит больше: жизнь есть жизнь.

* * *

Пунцовые занавеси с преувеличенной торжественностью возвестили о рождении нового дня. А день оказался пасмурным. Ему все опротивело. Низкое серое небо, и на нем вороны, будто гарь на пепелище. Мужчина обвел взглядом спальню. Безликий свет выделял один предмет за другим. Каждый напоминал о чем-то, предлагая снова взвалить на себя нелегкий груз воспоминаний. На столе шляпа, платье на стуле и там же скомканная нижняя рубашка.

Жалкие тряпки привлекли взгляд мужчины. Лихорадка возбуждения миновала, беспорядок вызвал недоумение. Жизнь ушла, перед глазами скудный итог.

Он подумал: хозяева кабаре выметают сейчас за порог обрывки голубого серпантина, обломки розовых вееров, ночную радость. От его вчерашней радости остались вот это платье и смятая рубашка.

Он оделся, застегнулся на все пуговицы, ощутил, как далеки сегодня все условности, ему и любовь ни к чему, можно смотреть в окно.

Она проснулась, но не открыла глаз. Разве забудешь, какое одиночество тебя ожидает: мужчины поутру на противоположном берегу пропасти. Еще больше она боялась нежности, мужчина не отличает нежности от желания, ты никогда не бываешь в безопасности. Если вас обнимают, прижимают к себе, в вас чувствуют женщину... Вот почему лучше молчать, подставить на ходу щеку, отказаться от надежды на дружбу, от стольких иллюзий...

Тебе не родиться поутру заново, прошлая жизнь облепила тебя влажной простыней.

Он и она подвели итог, каждый по-своему. Он сидел, ждал, неизвестно почему вспоминая о давней любовной встрече. В глухой провинции. Он тогда впервые, не испытав никакой плотской радости, узнал любовь женщины, она была профессионалкой, и добраться до ее наготы было невозможно, она разучилась обнажаться. Привычка и скука заковали ее в броню. Он явственно увидел красный шершавый плед, она и его не удосужилась снять, не обнажила и белизну простыней. И еще он подумал: «Мне сорок, сорок, мне сорок лет...» Резко обернулся:

— Ты меня ненавидишь. Оно и понятно. Я старый.

Манон привсталала, она поняла, какой он. Он из тех, кто не дружит с жизнью. Кто заказывает шампанское, пригубливает и говорит: «Пить мне тоже не хочется!..» Она уже таких встречала. Не

поймешь, чем они занимаются. Деньги тратят без удовольствия. Однажды такого как раз и арестовали. Вечером, в баре, два полицейских инспектора. Он зажался, стиснул зубы, молчит, а она: «Я, господин инспектор, уважаемая женщина, танцовщица с улицы Бланш». И осталась сидеть перед полной рюмкой, но уже одна, его увели, а приятели вокруг смеялись. «Не повезло, Манон...» Хозяин провожал полицию до дверей: «Бывает, бывает... Что вы хотите, мсье, — уж на что я человек разборчивый, но всех клиентов все равно не узнаешь!» И сразу поползли слухи. «Спекуляция, контрабанда. Ясное дело, иностранец». Она спокойно допила свою рюмку, хотя хозяин косо на нее поглядывал. «Идиот! Я-то тут ни при чем».

— Может, у тебя какая неудача?

У одних не бывает неудач, на других они накладывают отпечаток. Сразу его не заметишь, но в любви... Неудачники, наверное, не такие расчетливые, но ты им тоже не нужна. Что же им нужно? Какая все это гадость. Мутит от омерзения.

Подошла к зеркалу. Посмотреть, что еще повредилось со вчерашнего дня. Спала, подложив кулачок, и вот, пожалуйста, пятно на виске. Морщины возле губ стали резче. «Уродина». Достала из сумочки помаду, пудру. Привела в порядок волосы, причесалась, накрасила губы, попудрилась: розовое платье с декольте выглядит сейчас так неуместно. Она надела пальто, застегнулась. Так-то

лучше. Вот теперь она упакована, коробка с конфетами, сбоку бантик.

И всегда, всегда одно и то же.

* * *

Этой ночью она сожалела о своем кабаре. Вышибала у дверей, в конце концов, друг, к тому же услужлив. Бармен всегда что-нибудь посоветует, а служительница в дамской комнате — просто мать родная. Оркестр за ширмой притягивает, как толпа или море. И свет яркий-яркий: каждый как на ладони.

Она появляется, когда звучит последняя нота. Саксофонист улыбается ей, выдувая си бемоль, она приветственно машет рукой и садится.

Наступил антракт, публика устала. Каждый углубился в себя, закрылся, замкнулся. Погружен в послевкусие. Невеселое ощущение, когда ты противен даже самому себе. Тот, кто валял в зале дурака, примолк, сник, выдохся. На него еще смотрят, но он в смущении пробирается бочком к своему столу.

Женщин тошнит от вкрадчивых жиголо, словно от приторных сладостей, но и солидные тучные любовники их не радуют, женщины смотрят перед собой, подперев ладонью щеку.

Мужчины расправляют плечи, выпячивают грудь под белым картоном манишек, курят, изображая довольство, предчувствуя горькую мину-

ту несогласия, когда женщина не потерпит ни слова, ни прикосновения.

Один посетитель отважился и положил руку на обнаженное плечо своей спутницы. Она отпрянула:

— Оставьте меня!

Он улыбнулся, пропустил сквозь пальцы бахрому скатерти, с беспокойным недоумением покосился на женщину. Еще дуется? Не сто же лет она будет дуться?

— А не уйти ли нам отсюда?

— Как вы смеете мне дерзить!

Он открывает рот и тут же закрывает, ищет слов, которые не задела бы ее. И не находит.

«Что поделаешь? Женщина...» — думает он, и это туманное объяснение его успокаивает. Он чувствует, что логичен здесь он один и силен тоже.

Похоже, все ждут какого-то тайного знака. Бармен, утомленный собственным глубокомыслием, зевает. «Оставь меня в покое, не мешай думать», — говорят приятелям девушки.

В них вспыхнуло возмущение, они корят себя за молчание, за сдержанность, которые помешали им быть самими собой. Винят дружков — те не захотели узнать, каковы они на самом деле, не приняли их целиком, помешали высказать себя. Повели себя как зрители, отняв возможность чувствовать себя свободно. Уж он-то тебя знает... Иронически скривил губы, и порыв угас. Потре-

бовал: «Хватит ломаться!» И приходится снова ломать комедию.

Как ему скажешь: «Ты не знаешь меня!», ведь яснее ясного, что он не поверит. Тело оберегает сердце надежнее стыда, а ты с ним была — голый...

Гложет чувство несправедливости. Вкладываешь его в одно-единственное слово: «Эгоист!», и дружок в обиде. Но почему, почему же рядом с ним ты всегда испытываешь одно и то же и ведешь себя одинаково? Тебя сковало его знание о тебе, ты ненавидишь его, как кандалы.

Девушек томят смутные мечты о незнакомце, что однажды явится и освободит их, они мечтают: «Он... он...» Они верят в силу настоящей любви.

Но ищут они неискушенного зрителя, желая предстать перед ним в новом образе. Ему они скажут: «Вот ты, ты меня понимаешь...» — и предадутся чувствительным излияниям, которые сейчас под запретом.

Незнакомцу можно признаться: «Я пережила большую любовь и безутешна...», предаться воспоминаниям, они так красят, от них так влажно блестят глаза, и внезапно умилиться слушателем: до чего же внимателен и серьезен, и как я хороша в его представлении, я такой еще не была... Можно грустить, грустить и ощущать проснувшееся желание.

«Я хотела бы жить в Норвегии... Да-да, милый,

из-за волшебных северных сказок. Жить в Норвегии, заниматься душой».

А этот знает все недостатки, слабости, ухищрения, и ты прикована к ним раз и навсегда. Какая каторга!

Девушка замкнулась в себе и мечтает, а мужчина следит за смешной зверушкой, осторожно прикасается указательным пальцем к шее, пытается понять, «не надоело ли нам капризничать». Смотрит на часы, курит, расправляет плечи, не понимая, что происходит.

А Манон, она — умница. Ждет, пока вновь заиграет оркестр, ведь музыка, шум, шампанское — это «то, что я и люблю... только это я и люблю...». Служительница говорит, что наконец-то видит разумную девушку.

* * *

— Знаешь, Сюзанна, когда ты с мужчиной, труднее всего оставаться веселой.

— Скажешь тоже, — отзывается Сюзанна, — когда грустишь, им даже интереснее.

— Но быть веселой веселее, — настаивает Манон. Мысль не совсем ясна, но Сюзанна с ней согласна.

Они снова пьют обжигающий кофе в очередном ночном бистро, короткая остановка, и они продолжают свой путь. Официант маячит маятником от одного конца стойки к другому.

— Который час?

— Пять утра. — Официант наполняет чашки с молниеносной скоростью. Хоп! Черная струя кофе перекрыта. Забирайте!

— Который час?

— По-прежнему пять утра.

Сюзанна уточняет:

— Пять часов и одна минута.

Манон трет глаза, зевает.

Кофе обжигает губы, и хорошо, а иначе как узнаешь, что еще жива. Ночь кончилась, но ее отголоски пока не умолкли, так, вернувшись из путешествия, долго слышишь мерный стук колес. Два красавца-аргентинца мечтательно поглядывают по сторонам, они безобидны, не притянут тебя взглядом.

— Инженеры, знаешь, да?..

У них есть профессия — значит, твердо стоят на ногах. Они тоже зевают и потягиваются. Не так-то легко высвободиться из тенет ночи.

— Который час?

— Да утро уже!

В просвете между домами показывается солнце. От ночи у прохожих остались только длинные тени. Продавцы газет объявляют новое число звонко, будто возвещают о начале нового царствования. Свежие газеты пачкаются, прохожие снимают перчатки. У жизни запах теплых рога-ликов и свежих простынь, которые ждут полуночников. Как мягко мы перекочевали в утро.